

Рудольф НУРЕЕВ

АВТОБИОГРАФИЯ

Ролан ПЕТИ

ВМЕСТЕ С НУРЕЕВЫМ

«ТАНЕЦ ПОНЯТЕН ВСЕМ. ТАНЦОР КАК СКУЛЬПТОР».

Ролан Пети

Ролан Пети
Юлия Бекичева
Рудольф Хаметович Нуреев
Автобиография.
Вместе с Нуреевым
Серия «Большой балет»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51854008

Автобиография. Вместе с Нуреевым: Издательство АСТ; М.; 2020

ISBN 978-5-17-106347-4

Аннотация

Рудольф Нуреев... Его магическое имя вот уже более полувека будоражит воображение всех, кто хоть что-то о нем слышал. Слухов об этой уникальной личности было гораздо больше, чем подлинного знания. Каким же он был на самом деле? Выдающийся танцовщик, который еще при жизни стал человеком-легендой. Пожалуй никто из русско-советских артистов балета, (даже те, кто потом как и он эмигрировали на Запад) не имели той славы, какая выпала на долю Нуреева. Мальчик из бедной многодетной семьи стал настоящим гением танца. Все в его творческой биографии складывалось не благодаря, а вопреки. Вопреки всему было

его поступление в Ленинградское балетное училище, обретение статуса ведущего солиста легендарного Кировского театра оперы и балета, его знаменитый «прыжок к свободе» и, как итог – фантастический успех на Западе. В книге представлены воспоминания французского балетмейстера Ролана Пети и сокращенная версия «Автобиографии» Рудольфа Нуреева.

Содержание

Рудольф Нуреев	6
Предисловие[1]	6
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	16
Глава четвертая	23
Глава пятая	29
Глава шестая	37
Глава седьмая	41
Глава восьмая	44
Глава девятая	50
Глава десятая	63
Глава одиннадцатая	69
Глава двенадцатая	73
Глава тринадцатая	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

**Рудольф Нуреев,
Ролан Пети
Автобиография.
Вместе с Нуреевым**

Roland PETIT

TEMPS LIES AVEC NOUREEV

© Editions Grasset & Fasquelle, 1998.

© Ю. Бекичева, составление, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Рудольф Нуреев

Автобиография

Предисловие¹

Один из репортеров ежедневной американской газеты «Нью-Йорк таймс» Ричард Кэнинг однажды остроумно заметил: «Описание балета всегда неизбежно сводится к рассказу о том, как люди поднимают руки и куда забрасывают ноги. Писать об этом так же бессмысленно, как бессмысленно писать о футболе и обо всем, на что нужно смотреть собственными глазами».

Тем не менее не стоит забывать о том, что балет – это обычные люди, которые любят, завидуют, предаются, совершают неожиданные поступки. И в этом контексте писать о балете так же увлекательно, как и читать о нем.

Юлия Бекичева

¹ «Автобиография» Р. Нуреева публикуется в сокращенной версии.

Глава первая

Остаться в вашей стране

17 июня 1961 года, аэропорт Париж-Ле-Бурже. Невольно вовлеченный в ситуацию, которая впоследствии станет частью мировой истории и будет описана не в одном десятке книг, французский полицейский обращается к бледному, испуганному, вжавшемуся в колонну молодому человеку:

– Шесть шагов. Только шесть. Подойдите ко мне. Не волнуйтесь. Если вы считаете, что так будет лучше, просто скажите: «Я хочу остаться в вашей стране». После этого мы поднимемся наверх, вы подпишете кое-какие бумаги, и дело будет сделано.

– Я... хочу остаться в вашей стране.

Эти шесть шагов, эта фраза станут точкой невозврата, причиной грандиозного скандала и сенсацией, пропуском в новую жизнь для советского, а позже – британского и французского артиста балета и балетмейстера Рудольфа Нуреева. Категорично настроенные советские газеты представят произошедшее как запланированное бегство, западные журналисты преподнесут поступок русского танцовщика как «прыжок к свободе» (впоследствии Рудольф Нуреев так же назовет одну из глав своей «Автобиографии»). Именно как прыжок из рук насильно удерживающих артиста сотрудников КГБ в объятия французских полицейских опишет слу-

чившееся популярная газета Le Figaro².

Спустя десятилетия организатор гастролей Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова в Париже в 1961 году Жанин Ренге, находившаяся в Ле-Бурже рядом с Нуреевым, опровергнет написанное: «Не было никакого прыжка. Все происходило, если не буднично, то около того. Рудольф был в отчаянии. Его труппа уже улетела на гастроли в Лондон, ему же было сказано возвращаться в Москву. Нуреев понимал: если вернется, ему как артисту – конец. Мы заказали чай, кофе. Тут же сидел сотрудник КГБ, он пил спиртное – рюмку за рюмкой. К тому времени как подошли полицейские, кагэбист был изрядно пьян и мало чему мог помешать».

Уже заработав славу мировой знаменитости, Рудольф Нуреев неоднократно вспоминал тот день в многочисленных интервью, снова и снова мысленно преодолевал он расстояние в шесть шагов, на 26 лет перекрывшее ему все пути к отчему дому, родному училищу, театру, на сцене которого продолжали танцевать его коллеги. И все-таки, несмотря на цену, которую Нуреев заплатил за свою свободу, за возможность познавать жизнь во всей ее многогранности, познавать себя в этой жизни, окажись Рудик снова перед выбором, ответил бы, как когда-то: «Я хочу остаться в вашей стране».

² Популярная французская ежедневная газета новостей в области внутренней и внешней политики, экономики, культурной и общественной жизни во Франции и за рубежом. Газета основана в 1826 году.

Глава вторая

Мрачный период раннего детства

Свободолюбивая, бунтарская натура Рудольфа Нуреева дала знать о себе уже в процессе появления мальчика на свет.

«Я родился в поезде – 17 марта 1938 года, – вспоминал артист в “Автобиографии”. – И хотя первые годы жизни не оставили в памяти особого следа, мне нравится размышлять о моем рождении. Как лирическому, романтическому танцовщику, мне приятно думать, что мое появление на самой первой сцене было столь романтическим. В тот момент, когда я родился, поезд мчался вдоль берегов озера Байкал, неподалеку от Иркутска. Мать ехала к отцу, служившему во Владивостоке. Отец, которого я почти не знал до окончания войны, был в те дни политруком. В поезде вместе с матерью ехали три мои сестры: Роза, Розида и Лида. Я так люблю вспоминать обстоятельства своего рождения потому, что в них во многом отразилась вся моя жизнь. Разве не символично, что я родился в пути, между двумя станциями? Видимо, мне суждено было стать космополитом. С самого начала я был лишен чувства “принадлежности”. Какую страну или дом я мог назвать своими? Мое существование протекало вне обычных, нормальных рамок, способствующих ощущению постоянства, и оттого мне всегда представлялось, что я родился гражданином мира».

В военное и послевоенное время, в голоде и неустроенности приходилось жить и поднимать детей Хамиту и Фариде Нуреевым. В возрасте двадцати двух лет отец Рудольфа был призван в Красную Армию. Службу он проходил в Казани. В первый же месяц Великой Отечественной войны он был определен в артиллерийскую часть, с 1941 по 1943 год воевал на Западном фронте, прошел всю войну, участвовал в обороне Москвы, дошел до Берлина, а в 1945 году вместе с другими форсировал реку Одер.

«Когда отец уехал, мать осталась одна с четырьмя детьми и, хотя мы были отчаянно бедны, она не имела возможности пойти на работу. К тому же она родилась в крестьянской семье и у нее не было никакой специальности.

До женитьбы отец и мать работали в поле. С начала двадцатых годов они были членами коммунистической партии. Революция казалась родителям чудом, ведь до нее они постоянно существовали на грани голодной смерти. А тут появилась возможность отправить детей в школу, даже в университет, о чем крестьяне до революции и мечтать не могли. Родители стали коммунистами без малейших колебаний».

Война не выбирала, кого щадить, кого предавать огню. Упавшая на крышу их московского дома бомба оставила Нуреевых без крова. Покинув насиженное гнездо, Фарида вместе с детьми отправилась в Башкирию – на родину своих предков. Глухая, утопающая в высоких, труднопроходимых грязных сугробах башкирская деревенька, тесная изба, вме-

стившая три семьи, непрекращающееся чувство голода – такой запомнилась жизнь в эвакуации маленькому Рудику.

«...Весь этот мрачный период раннего детства прошел под знаком картошки. Картошка была единственным продуктом, который мы могли достать. Когда мне минуло пять лет, у нас появилась возможность переехать в Уфу, которую моя мама всегда считала родным городом. Мы стали жить у брата отца. Именно здесь началась моя сознательная жизнь. Наша семья делила девятиметровую комнату не только с дядей, но и еще с одной семьей. Три семьи в девятиметровой комнате. Тем не менее не помню, чтобы у нас происходили какие-нибудь дикие сцены. Каким-то чудом нам удавалось вести это кошмарное существование, не доходя до ненависти, до той черты, когда люди просто не выносят вида друг друга.

Не покидало чувство голода, постоянно грызущего голода. Помню эти бесконечные, шестимесячные зимы в Уфе без света и почти без еды. Еще помню мать, с трудом тащившуюся по снегу, чтобы принести в дом несколько фунтов картошки, которые нам предстояло растянуть на неделю. Думаю, матери в то время было около сорока. Маленькая, худенькая, хрупкая на вид. Люди говорили, что она очень красивая, но я помню ее неизменно грустной. Не припомню ни одного случая, когда бы она громко рассмеялась. До 1946 года жизнь мамы представляла собой бесконечную борьбу. Каждый месяц она получала немного денег от отца и, благодаря этому,

почти всегда знала, где он. Тем не менее без мужа, почти без денег, с четырьмя детьми на руках ей было невероятно сложно. И все же мама никогда не жаловалась. Вспоминаю, как предпринимала она утомительные походы в поисках какой-нибудь еды. Мы уже продали все, что у нас было, и все, что возможно, обменяли на продукты: гражданскую одежду отца, его ремни, подтяжки, ботинки. За какую-то из вещей мы выручили немного отвратительной черной муки, из которой неделями пекли блины. Даже сейчас при одной мысли об этой муке мне становится тошно, но тогда она казалась даром богов».

Об одном таком походе за едой, едва не стоившей его матери жизни, Рудольф Нуреев не только поведал в книге воспоминаний, но и не без гордости рассказывал журналистам во время интервью. В разгар зимы, по лютomu холоду шла Фарида до ближайшей деревни, находившейся в тридцати километрах от дома, в котором остались ее дети. К ночи добралась она до леса, за которым расположились приземистые домишки, и вдруг в темноте заметила маленькие, окружившие ее со всех сторон желтые огни. Волчьи глаза следили за ней. Обезумевшие от голода волки теперь нередко наводывались в деревни в поисках какой-нибудь еды. Но вот добыча сама шла в их пасти. Еще немного – и они растерзали бы ее.

«Мама сняла с себя одеяло, в которое завернулась, спасаясь от жестокого мороза, и подожгла его. Пламя испугало хищников. Волки обратились в бегство. Отчаянная, смелая

женщина моя мама!» – вспоминал Рудольф.

На протяжении всей его жизни журналисты бередили старые раны, просили в тысячный раз рассказать, ощущал ли он себя вторым сортом, воспитываясь в столь бедной семье. «Нет! – улыбаясь, неизменно отвечал Нуреев. – Тогда я об этом не задумывался. Мои мысли были заняты играми».

Он не любил жаловаться. Не позволяло обостренное чувство собственного достоинства. Останавливал голос крови: «Наша татарская кровь бежит быстро и всегда готова закипеть. В нас есть горячность наших предков, этих прекрасных, немногословных всадников. Мы представляем любопытную смесь нежности и жестокости – сочетание, редко встречающееся у русских. Татары быстро загораются, всегда готовы вступить в бой. Они непритязательны и пылки, а порой хитры, как лисы. Таков и я».

В той среде, где формировалась личность маленького Рудика, чувство собственного достоинства то и дело обострялось и росло, точно на дрожжах. Дрожжами этими являлись обиды, несправедливость, насмешки, рукоприкладство – всего этого в детстве и юности мальчика было предостаточно. Только став зрелым человеком, Нуреев откровенно написал, как в действительности воспринимал он происходящее, – например, тот факт, что в первый класс средней школы мама отнесла его на... спине. В доме не нашлось ботинок.

«Остро, болезненно ощущал я дикость этой ситуации. Столь унижительная бедность причиняла мне подлинные ду-

шевные муки. В тот первый школьный день мать надела на меня пальто сестры Лиды, а ничто не способно заставить шестилетнего мальчика так страдать, как одежда его сестры. В девчачьем пальто я чувствовал себя, как клоун. Мое появление в группе было отнюдь не триумфальным. Как только дети увидели меня, хором запели по-татарски: “У нас в классе побирушка! У нас в классе побирушка!” В то время я плохо понимал по-татарски. Дома я спросил мать, что означали слова детей. Она покраснела и сказала, чтобы я не обращал внимания. Но, в конце концов, объяснила, что “побирушка” означает “нищий”».

Каждый раз, сталкиваясь с чем-то подобным, Рудик защищал себя как умел: если требовалось – в рукопашном бою, чаще – отгородившись от внешнего мира. Больно, обидно было видеть сверстников, которые, в отличие от него, приходили в школу сытыми и хорошо одетыми.

«Я всегда был одиночкой. Всегда играл один на единственной деревенской улочке и никогда ни с кем не дружил. Не помню, чтобы у меня была какая-то компания, не помню совместных игр или общих игрушек. Музыка! Уже в возрасте двух лет я горячо реагировал на нее, слушая песни или просто мелодичные звуки. Единственным источником музыки для нас было радио. Сначала в Москве, потом мы взяли его с собой в маленькую башкирскую деревню, а затем в Уфу. Я просиживал возле него неподвижно часами».

Спустя двадцать лет во время интервью на французском

телевидении журналист поинтересуется у Рудольфа Нуре-ева:

– Можете вспомнить первую мелодию, которую вы услышали в детстве и которая произвела на вас неизгладимое впечатление?

– Были похороны какого-то политического деятеля. Звучала музыка Чайковского. Это было прекрасно, – со смехом отвечал Рудольф.

Я знал, что только с помощью музыки могу вырваться из комнаты с десятью обитателями, спастись от собственного детского одиночества. С самого начала я видел в музыке друга, религию, путь к лучшей доле. Тогда я и не предполагал, что вскоре музыка породит единственную страсть, переполняющую мою жизнь – танец.

Глава третья

Чарующий мир

Именно в школе, где его постоянно задирали, Рудик впервые увидел, как танцуют народный башкирский танец. Увидел и обомлел. В этих же стенах сделал он свои первые па. Здесь снаряжали будущую звезду мирового балета на первые в его жизни гастроли.

«Школа частенько отправляла нас в госпитали, чтобы развлекать раненых, вернувшихся с фронта. Я с нетерпением ждал этих маленьких концертов, и постепенно танец становился для меня все более любимым занятием. Этими радостями я не делился ни с кем за исключением моей сестры Розы. Она одна понимала меня. Она была очень музыкальна и готовилась стать учительницей начальной школы. Она сама немного танцевала и надеялась, что в будущем это пригодится ей, чтобы показывать детям, как держать себя, как правильно исполнять наши народные танцы. Роза деятельно способствовала моему становлению. Она рассказывала мне об истории танца, водила меня на лекции, еще сама будучи ребенком, а иногда, чтобы доставить мне удовольствие, приносила домой балетные костюмы».

Спустя годы одна из школьных педагогов Рудольфа Нуреева, Таисья Халтурина рассказывала: «С одноклассниками отношения у Рудика не сложились. Он был задирист, а

кроме того, ребятам не нравилось, что этот мальчик наделен способностями, которыми другие похвастаться не могли. То и дело случались стычки, и мне не раз приходилось примирять детей. Уже в те годы Рудольф упорно шел к своей цели. Ему очень нравилось танцевать. Помню, как его отец сказал мне: “Не хочу, чтобы мой сын был артистом. Лучше, если после школы он получит высшее образование, станет инженером и будет твердо стоять на ногах”. Он даже просил меня повлиять на Рудика, но влиять было бесполезно».

В канун 1945 года Фарида Нуреева стала счастливой обладательницей единственного билета на балет – спектакль «Журавлиная песнь»³, который давали в стенах Башкирского государственного театра оперы и балета.

«Тогда наша Уфимская опера отличалась особым блеском, дав приют многим эвакуированным артистам Московского Большого и Ленинградского Кировского театров. Однако и сама по себе Уфимская балетная труппа, на мой взгляд, ни в чем не уступала, скажем, труппе маркиза Джорджа де Куэваса, с которой мне суждено было познакомиться впоследствии».

В тот вечер на сцене должна была блистать звезда башкирского и советского балета Зайтуна Насретдинова.

«Это было после окончания войны. За эти годы естественная любовь к музыке и балету, присущая каждому русско-

³ «Журавлиная песнь» – первый башкирский балет в трех актах. Либретто балета написано по мотивам башкирской народной легенды.

му, стала еще сильнее. Люди были готовы отдать все в обмен на кратковременное избавление от кошмара повседневной жизни», — писал в своих воспоминаниях Рудольф Нуреев.

Если бы только могла Фарида разделить доставшийся ей билет, как мандарин на дольки, раздать их — яркие, солнечные, ароматные — всем своим чадам. Но что если попытаться пройти в театр впятером? Она просто скажет, что не с кем оставить детей.

Уже будучи знаменитым танцором, Рудольф часто и открыто заявлял, что суеверен, регулярно просматривает гороскопы и не оставляет без внимания знаки судьбы. Не было ли то, что произошло в тот вечер, одним из таких знаков?

«У дверей театра волновалась огромная, нетерпеливая толпа. Она нарастала и так сильно напирала, что в какой-то момент двери театра сорвались с петель и рухнули, открылся широкий проход, и мы оказались буквально втянутыми внутрь. Так, во всеобщем хаосе пятеро Нуреевых прошли в театр по одному билету».

Представшая взору семилетнего мальчика картина сразу же заворожила его. Все здесь разительно отличалось от того, что он наблюдал в повседневной жизни, все приводило в священный трепет: струящийся свет хрустальных люстр, тяжелый бархат портьер, цветные стекла, позолота, но главное — волшебство на сцене, от которого невозможно было оторвать глаз. Танцовщики порхали в воздухе, подобно птицам, «преодолевая законы равновесия и тяготения.

Спустя сорок лет, рассказывая журналистам о своем партнере по сцене, экс-этуаль⁴ Парижской национальной оперы Ноэлла Понтуа вспоминала: «Рудольф буквально парил над сценой. Он прыгал так высоко, что можно было успеть сфотографировать момент его зависания в воздухе».

В молодые годы нельзя заглянуть в свою жизнь, как в учебник истории, нельзя со стопроцентной точностью угадать, что будет написано на той или иной странице, но услышать «зов», почувствовать свое предназначение возможно. И у Рудика это получилось.

«Я ощутил, как покинул реальный мир, как меня захватила мечта. С этого незабываемого дня я не мог думать ни о чем другом. Я был одержим. Тогда же родилось мое непоколебимое решение стать балетным танцовщиком. Все больше уверялся я в том, что родился, чтобы танцевать».

Да и как не укрепиться в мыслях о своих неординарных способностях, если даже окружающие взрослые останавливаются на полпути, засматриваются, рассыпают похвалы.

«Тебе следовало бы устроить сына в Ленинградскую балетную школу, Фарида. У него – талант. Кроме того, для поступления сейчас самый подходящий возраст», – не раз советовали педагоги и знакомые. Мама только улыбалась. Их семья едва сводит концы с концами. Какой уж тут Ленинград. И все же похвалы в адрес сына радовали ее сердце.

⁴ Знаменитый артист или артистка в европейском и русском театре до революции; также высший статус артистов балета.

«В те годы мама была моей союзницей», – с удовольствием отмечал в одном из своих интервью Рудольф.

Всей душой полюбивший народные танцы, доводящий до совершенства каждое свое движение, уже в десятилетнем возрасте Рудик интуитивно понимал, как требуется вести себя на сцене, чтобы взгляды зрителей были прикованы именно к нему. Один из преуспевающих учеников средней школы (по словам Нуреева, он стал лучшим, благодаря своей способности все впитывать с первого раза). Теперь он сидел за учебники с большой неохотой. Бросить школу! Уехать в Ленинград! Стать выдающимся танцовщиком!

Упиваясь маленькими своими победами в Уфимском детском фольклорном ансамбле, в котором танцевал, после выступлений мальчик раскладывал свои сценические костюмы на кровати и часами любовался ими. Он понимал, чего хочет и какой должна быть его дальнейшая жизнь, но...

«Как этого достичь? Чтобы уйти от реальности, я воображал, что однажды придет кто-то, возьмет меня за руку и поведет по верному пути».

Этим кем-то стала судьба. Она не давала Рудику покоя, подталкивала, побуждала мечтать и действовать. Она же привела его, одиннадцатилетнего мальчика к женщине, которую без преувеличения можно назвать балетной крестной матерью Рудольфа Нуреева. Справедливости ради, стоит отметить, что только благодаря воспитаннику, имя Анны Удальцовой узнал весь мир.

«Как-то наша пионервожатая взяла меня в Уфимский Дом ученых, где я познакомился с одной очень старой женщиной, Удальцовой, которая оказалась почти настоящим балетным педагогом. Я говорю “почти”, потому что фактически она никогда не преподавала, но обладала чрезвычайной музыкальностью и высокой культурой, а много лет тому назад танцевала в кордебалете Русского балета Монте-Карло (Ballet Russe de Monte-Carlo)⁵.

Мне суждено было завоевать симпатию этой замечательной, семидесятилетней женщины, каждое лето выезжавшей в Ленинград, чтобы увидеть, что есть нового в мире балета. Возвращаясь в Уфу, она все подробно описывала нам, открывая перед нашим провинциальным взором широкую картину мира. Именно Удальцова впервые рассказала мне об Анне Павловой. Она, вероятно, узнала ее еще во время «Русских сезонов»⁶ Дягилева. Удальцова поведала мне о том, что Павлова дала миру, рассказала, как эта, величайшая из балерин трудилась, чтобы обрести свою безукоризненную технику», – писал Рудольф Нуреев.

Вышедшая в свое время за офицера царской армии, балет-

⁵ Русский балет Монте-Карло (*фр.* Ballet Russe de Monte-Carlo) – балетная компания, созданная в 1932 году и разделившаяся в 1936-м на две самостоятельные антрепризы: полковника де Базиля (наст. имя – Василий Григорьевич Воскресенский) и Рене Блюма.

⁶ Театральная антреприза С. П. Дягилева. Гастрольные выступления артистов Императорских театров Санкт-Петербурга и Москвы в летние месяцы 1908–1914 годов за границей.

рина Анна Ивановна Удальцова вместе с мужем была сослана в Уфу. Вот как вспоминала она время общения с одним из любимых своих воспитанников: «Я занималась в Уфе самодеятельностью. У меня был детский кружок, в котором я обучала ребят танцевать. Детей было много, все разные, но особое внимание я обратила на Рудольфа. Это был маленький, неухоженный, молчаливый мальчонка. У него был абсолютный слух, безусловные способности и поразившая меня, фанатичная любовь к танцам. Когда мальчик повзрослел, я была одной из тех, кто считал, что Рудольфу обязательно надо ехать в Ленинградскую балетную школу учиться, получать диплом. Однако добиться этого было не так-то просто. Его отец выступал против занятий сына. Он просто-таки преследовал мальчику, полагая, что быть артистом – позорно».

Глава четвертая

Папа

Они так и не смогли понять друг друга – герой войны и его сын – «балерина» – так, раздражаясь, называл Рудольфа отец.

«Когда я родился, мать была счастлива, – писал артист в “Автобиографии”. – Папа так мечтал о мальчике, что когда родилась сестра Лида, мама сообщила ему о появлении сына. Таким образом она хотела осчастливить его. Вне себя от радости отец приехал домой в отпуск и обнаружил, что “мальчиком” была Лида».

А вот отрывок из одного интервью великого танцовщика: «Вернувшись с войны, отец хотел найти в своем сыне товарища, который будет вместе с ним охотиться, рыбачить, а мне все это было не по душе. Как-то папа заставил пойти вместе с ним на охоту и ненадолго оставил меня в чаще. Впервые я оказался в лесу в полном одиночестве. Какое-то чудовище меня напугало. Когда я присмотрелся, выяснилось, что это дятел. Летали туда-сюда утки. В общем, без подготовки было жутковато. Прошло около часа, прежде чем я растерял остатки храбрости и завопил во все горло: “Папа! Па-ааа-пааа!”

Когда отец вернулся, он долго смеялся надо мной. Мама так и не простила ему этого случая».

На все вопросы об отношениях родителя к его одержимо-

сти музыкой и танцами, Нуреев сдержанно отвечал: «Каждый раз, когда он видел, что я танцую, бил меня».

Мягко, не вдаваясь в детали, Рудольф упоминает о папе на страницах своей книги. Он так и не решится приподнять здесь повязку, обнажающую одну из самых глубоких душевных его ран, повязку, которую однажды, при иных обстоятельствах, все-таки поднял.

«Страшно даже не то, что отец бил. Он все время говорил. Бесконечно. Не умолкая. Говорил, что сделает из меня мужчину и что я еще скажу ему спасибо, запирал дверь и не выпускал меня из дома. Он кричал, что я расту балериной. Хоть в чем-то я полностью оправдал его ожидания. Чтобы мы его слушали, он выключал радио. Музыки почти не осталось. Я был везунчик. На нашей улице почти ни у кого не было отцов. И каждый придумал своего папку – сильного, смелого, который возьмет с собой на охоту или научит удить рыбу. А у меня отец – герой! Вся грудь в орденах! Даже следам от прута на моей заднице завидовали. Только я хотел, чтобы он уехал. Потом он приходил ко мне в театр, даже аплодировал. И, помнится, пожал мне руку. А я смотрел на него и думал, что вот он – чужой, старый, больной. И теперь я могу его ударить, а у него не хватит сил дать сдачи. Странно, сейчас я не чувствую обиды. Я просто вычеркнул из памяти все, что причиняло боль».

Убегая из дома в свободное от школы и танцев время, Рудик приходил на живописный холм, раскинувшийся непода-

леку от его дома. Растянувшись на нагретых солнцем камнях, уже не мальчик, но еще и не мужчина, он мечтательно смотрел туда, где виднелось здание местного железнодорожного вокзала, куда прибывали и откуда отправлялись поезда, увозя пассажиров в другие города. Может быть, даже наверняка среди этих городов был и Ленинград. Порой, Рудольфу казалось, что «...к вокзалу я привязан больше, чем к школе или к дому. Мне нравилось представлять, что эти колеса уносят меня куда-то. Позднее, уже в Ленинграде, перед тем как начать работу над партией в новом балете, я частенько отправлялся на вокзал и просто смотрел на поезда, пока мне не удавалось почувствовать, что движение стало частью меня самого, а я – частью поезда. Это каким-то образом помогало мне в танце, хотя не могу точно сказать, как именно».

Однажды Рудик услышал о том, что в Башкирии объявлен набор талантливых детей, лучшие из которых будут учиться не где-нибудь, а в Ленинградской хореографической школе. Парень словно с цепи сорвался, не мог есть, спать. Только бы умолить отца, только бы умолить! Вдвоем пошли они в здание оперного театра, фамилию «Нуреев» внесли в заветный список, но что толку?

«В Ленинград уехали без меня. После этого случая отец, кажется, не мог смотреть мне в глаза. Я не понимал, в чем дело, но спустя пару лет, когда заработав немного денег, отправился в трехдневную поездку в Москву, мне сразу стало все ясно: у отца не нашлось необходимых двухсот рублей –

стоимости железнодорожного билета из Уфы в Ленинград».

Но и после этого отец Рудольфа упорно продолжал стоять на своем. Войти в число недостойных людей, ведущих легкомысленный, никчемный образ жизни? Быть выброшенным из театра? Закончить дворником? Нет! Это не то, за что он проливал на войне свою кровь.

«Папа был не в силах понять, как я могу мечтать о карьере танцовщика, когда у меня есть возможность (которой не было ни у кого из нашей семьи) стать врачом или инженером, человеком с положением, способным заслужить уважение».

Требование отца повзрослеть и, положив конец танцам, всерьез заняться учебой поддержала и мама. Родители в унисон твердили, что в его годы они уже зарабатывали себе на кусок хлеба, что пора бы и ему взяться за голову. Рудольф соглашался и... продолжал танцевать, но теперь украдкой. Напрасно понадеявшийся на сознательность сына отец снова выслушивал от педагогов: «Ваш парень не учится. Ему некогда. Он танцует! Танцует повсюду, даже на лестничных площадках!»

Презрев родительские запреты, Рудик по-прежнему ездил на гастроли с коллективом народного танца. Они концертировали в небольших деревнях, составив два грузовика с откинутыми бортами и уложив сверху деревянное покрытие. Чадили висящие над импровизированной сценой керосиновые лампы, восторгаясь и аплодируя, публика принимала артистов.

Во время выступлений не обходилось без курьезов. Так, танцуя однажды морской танец «яблочко», на глазах у многочисленных зрителей Рудольф остался... без штанов.

«В те дни я был болезненно худ. Специально заказанные матросские штаны оказались не готовы к сроку. Пришлось надеть другие, принадлежавшие танцору, который был намного выше и упитаннее меня. Костюмерша наскоро подогнала брюки под мою фигуру. Едва я успел сделать несколько па⁷, как булавки вылетели, а штаны соскользнули на пол. Публика, естественно, начала смеяться».

Дважды выскакивали зловредные булавки, а во время третьего выхода у артиста запутались ленты. Этим, отчасти комичным выступлением завершилась темная полоса в жизни Рудика.

«Очень скоро мне предложили играть роли без слов в Уфимской опере. У меня как будто крылья выросли!»

Первые шаги на настоящей сцене, маленькая партия в балете «Польский бал», гастроли по Башкирии и самостоятельно заработанные деньги, тут же потраченные на поездку в столицу.

«У меня оказалось достаточно средств, чтобы отправиться в Москву на три дня – при условии, что я буду ночевать на скамейке в парке или на вокзале в зале ожидания. Я приехал в середине августа. Все театры и концертные залы были

⁷ Отдельное танцевальное ритмическое движение или сочетание этих движений.

закрыты. Без устали ходил я по городу. Три дня и три ночи прогулок! В тот раз Москва произвела на меня впечатление гигантского вокзала. Когда позднее мне пришлось выбирать между работой в Большом театре и Кировском в Ленинграде, это первое общение с Москвой безусловно повлияло на мое решение».

Глава пятая

«Танцевальная Ея Императорского Величества школа»

– Но когда же и как вы оказались в Ленинграде? – нетерпеливо ерзая на стуле, спросил во время очередного интервью с Нуреевым иностранный журналист.

– Мне нужно было скопить три тысячи рублей, и я устроился работать в артель сапожников. Дважды в неделю я обучал их танцу. Это было начало моей карьеры, – смеясь отвечал Нуреев.

– Из Башкирии в Москву поезд ехал три дня. У меня было спальное место, так что все хорошо, доехал я с комфортом. А потом целый день с чемоданом стоял на вокзале, ожидая поезда, который доставит меня в Ленинград.

Примечательно, что в «Автобиографии» Рудольф Нуреев вспоминает этот эпизод несколько иначе: «На вокзале в Москве я посмотрел расписание поездов на Ленинград, они отправлялись чуть ли не каждые тридцать минут. Меня охватила паника. Какой выбрать? Где сидеть? Слишком судьбоносным было мое предприятие. В конце концов, я заскочил в первый попавшийся вагон».

Шестнадцать часов между Ленинградом и Москвой – именно столько ехал поезд. Мгновением или вечностью по-

казалось Рудиду это время? Какая, в сущности, разница? Ведь в итоге мечта Рудольфа Нуреева воплотилась в жизнь. И случилось это 17 августа 1955 года.

Явь ли это, сон ли? Он так стремился сюда, а в самый ответственный момент вдруг оробел и задержался у входа. Улица Росси. Ленинградское хореографическое училище, двумя столетиями ранее «Танцевальная Ея Императорского Величества школа», основанная императрицей Анной Иоанновной⁸ с легкой руки французского танцмейстера Жан-Батиста Ланде.

Едва ли восемнадцатилетнего юношу, каким был в ту пору Рудольф Нуреев, могла занимать жизнь какого-то там Ланде. Соученики Рудольфа уверяют: в балетную школу приехал он не особенно начитанным и образованным. Годы спустя общаясь с журналистами, Нуреев с удовольствием будет рассказывать о том, с каким увлечением читает биографию писателя Федора Михайловича Достоевского, и признается: «В России я был слишком занят танцами, театром, музыкой. Не было времени на литературу. Кроме того, в России многие вещи навязывались. При таком давлении уже не хотелось читать ни Толстого, ни Пушкина, ни Чехова».

Тем не менее многое в судьбах Ланде и нашего героя кажется схожим: оба познали нужду, оба были без ума от музыки, оба танцевали, ставили спектакли и занимались обучением молодой поросли. Но если у Жан-Батиста все было

⁸ Российская императрица из династии Романовых.

позади, то Нуреев только начинал свой путь в балете. Долго стоял он на крыльце кузницы, давшей миру Тамару Карсавину, Матильду Кшесинскую, Анну Павлову, Вацлава Нижинского...

«Когда я впервые очутился здесь, мне явственно послышалось эхо шагов моих кумиров, – написал позднее Рудольф Нуреев. – Мариинский, Кировский! Волшебное слово для любителей балета от Англии до Японии, от Египта до Аргентины».

Резкий запах краски ударил в нос, за дверями рабочие заканчивали ремонт. Еще неделя и начнутся вступительные экзамены. О начале экзаменов Рудольфу любезно сообщил некий мужчина, стоявший тут же и оказавшийся директором училища Валентином Шелковым. Эти двое еще успеют узнать и возненавидеть друг друга, но пока в запасе у Рудольфа была неделя волнительного ожидания. Чтобы привести мысли и нервы в порядок, а также чтобы утолить свое любопытство, он гулял по Ленинграду. Этот город казался ему живым существом, крайне непостоянным в своих настроениях: «...он мог быть суровым, аскетичным, бесстрастным. А вечерами, когда на улицы высыпали студенты, он становился веселым и оживленным».

Рудику повезло. Всю неделю ему не пришлось прозябать на вокзале, как было, когда он впервые приехал в Москву. В этот раз юноша поселился у своей наставницы Анны Ивановны Удальцовой. По счастливому стечению обстоя-

ательств, как раз в эти дни она гостила у дочери в Ленинграде.

И вот настал момент истины. Будущее Рудольфа Нуреева отчасти оказалось в руках артистки балета и балетного педагога – Веры Сергеевны Костровицкой.

«Я ощущал ее цепкое внимание, когда она наблюдала, как я выполнял стандартный набор упражнений и прыжков, требуемых на экзамене. Когда я закончил, она медленно подошла ко мне и сказала в присутствии всего класса: “Молодой человек, из вас получится блестящий танцовщик или полнейший нуль”. Она немного помолчала и добавила: “Скорее всего, из вас ничего не выйдет”.

Теперь я знаю, что означали тогда эти ее слова: я должен работать, как сумасшедший. Моя манера, весь мой танцевальный стиль были неустойчивы, текучи».

Как выяснилось позже, поступить в училище – полдела, но как здесь прижиться? В идеале балетом начинают заниматься в возрасте шести-семи лет. Рудольф начал в восемнадцать и, конечно, рядом с юными учащимися казался гадким утенком. Вот как описала журналистам Рудольфа тех лет декан исполнительского факультета Академии русского балета имени А. Я. Вагановой Марина Васильева: «Это был неказистый мальчишка, который очень трудно приживался в балетной школе. Он был самостоятельный и отчужденный. Постоянно получал дисциплинарные взыскания. В то же время было понятно, что парень очень способный. Правда, первое

время с ним было мучительно: помню, как я просила педагогов не ставить меня с ним в дуэт – в дуэте он был очень слаб. Сегодня это звучит немножко смешно».

Соученики по балетной школе вспоминают: Нуреев отличался неукротимой работоспособностью, взрывным характером, был чересчур дерзок. Когда что-то у него не получалось, занимался с утра до вечера, истязая себя, а если ему мешали, требовал убираться. Непрошенных советов и замечаний терпеть не мог.

Друг юности Рудольфа Нуреева, филолог, Тамара Закржевская вспомнила: «Например, Рудик, обращаясь к балетмейстеру и художественному руководителю училища Константину Михайловичу Сергееву, мог сказать: “Дверь закрывается с той стороны”. Старенького репетитора Михаила Михайловича Михайлова, который делал ему замечания во время репетиции “Дон Кихота”, Рудольф взял под локотки и выставил из зала».

Партнерша Рудольфа, балерина Нинель Кургапкина вспоминала: «Если с Нуреевым не работать, то любить его, по большому счету, было не за что. У нас принято уважение, граничащее с подобоострастием. Это в Рудике напрочь отсутствовало. Он любил оставаться независимым, и проявлялось это часто в поступках резких, всю нашу театральную общественность шокирующих. Например, по окончании школы Рудик первый раз приходит на урок. Заходит в зал и становится у палки. А была такая традиция, что самый молодой

берет лейку и поливает пол у палки и в центре. Все стоят и ждут, когда он будет поливать. Рудик тоже встает, избоченясь, и стоит перед всеми, смотрит. Тогда кто-то ему говорит: “Рудик, ты самый молодой, давай поливай”. Нуреев показал всем длинную фигу, взял свои шмотки и ушел из зала. То есть он до этого унизиться не мог. Я потом спросила его, почему он не взял лейку. “А почему я должен брать лейку и поливать?!” – “Ну, так принято, – сказала я, – самый молодой поливает пол”. – “Я, во-первых, не такой молодой, – говорит он мне, – а потом, там есть такие бездари, которые только поливать и должны!” В подобных вещах ему, конечно, сильно не доставало воспитанности».

«Когда я увидел Рудика в стенах училища, он был в состоянии транса от того, что сюда поступил, – рассказывал журналистам соученик звезды балета, директор Башкирского хореографического училища имени Р. Нуреева, Алик Бикчурин, – помню, у нас в интернате, где мы жили, висело на стене большое зеркало, так вот, Рудольф разучивал перед ним не только все мужские, но и все женские партии. Он уже тогда говорил, что станет лучшим танцовщиком, первым номером в мире балета. Окружающие смеялись и крутили пальцем у виска: парнишка, без пяти минут приехавший из Башкирии, толком ничему не научившийся, – и вдруг делает такие заявления».

Из воспоминаний Тамары Закржевской: «С самого начала Рудика определили в класс директора училища Валенти-

на Ивановича Шелкова. Последний терпеть не мог Нуреева, называл его деревенщиной и не верил, что из парня, который пришел в балет в восемнадцатилетнем возрасте, может выйти толк».

«Я был крайне несчастен в этом классе. С самого начала Шелков был несправедлив ко мне и унижал меня при любой возможности. Некоторых ребят он подбадривал, постоянно поглаживая по голове и настаивая, чтобы они не перенапрягались. Ко мне же относился, как к неполноценному подкидышу из местного сиротского приюта, – писал Рудольф Нуреев в “Автобиографии”. – “Провинциальное ничтожество” – так он любил называть меня. “Не забудь, – напоминал он, – что ты учишься здесь только благодаря нашему добросердечию и благотворительности училища”.

Подобное обращение вызывало внутренний протест. Через некоторое время я совершенно перестал чувствовать себя обязанным ему. В классе меня всегда ставили сзади всех, так что мое трико начало изнашиваться из-за постоянного трения о стену во время упражнений. Но главное: я понял, что с таким настроением никогда не смогу хорошо работать».

А вот отрывок из интервью, в котором артист рассказывал о непростом для него ученическом периоде: «Когда я понял, что Шелков не очень хороший педагог, попытался от него уйти. Первое, что сделал – отправился к художественному руководителю училища и сказал, что если я останусь в классе

Валентина Ивановича, дело закончится военными действиями. Конечно, это был дерзкий поступок, но в мое положение вошли и определили в класс Александра Ивановича Пушкина. Директор, само собой, никогда мне этого не простил и при любом удобном случае говорил в мой адрес колкости».

Глава шестая

Тоже Пушкин

Александр Иванович Пушкин стал для Рудика настоящим подарком судьбы. В классе этого мастера начинали свой творческий путь Юрий Григорович, Михаил Барышников, Никита Долгушин.

И снова удивительные совпадения.

Родившийся в селе Тверской губернии, уже в сознательном возрасте Саша переехал со своими родителями в Ленинград. Однажды мама отвела его в Дом культуры на концерт. С тех пор мальчик «заболел» балетом. Когда Пушкин пришел поступать в Ленинградское хореографическое училище, его не приняли, мотивировав отказ тем, что мальчик уже не в том возрасте, когда можно начинать занятия балетом. Он его перерос. Но Саша не сдался и в скором времени поступил в студию балетного критика Акима Вольнского. В студии этой обучались все желающие: дети, готовящиеся к поступлению, ребята, которые, как и Пушкин, не были приняты в училище по возрасту, и те, кому просто хотелось отвлечься от серых будней. В качестве приглашенного педагога в студии работала артистка балета, балетмейстер Агриппина Яковлевна Ваганова. Она-то и обратила внимание на Сашу. Прошли годы, и Александр Иванович начал преподавать в том самом училище, в которое его не взяли в качестве ученика.

С благодарностью вспоминая своего наставника, Рудольф Нуреев рассказывал: «Возможно, Пушкин был не очень броским танцовщиком, но то, что одним из лучших – точно. Когда Александр Иванович показывал нам элементы, казалось, что лучше сделать просто невозможно. Он был наделен способностью заражать класс своим энтузиазмом. Мне безумно нравилось повторять все эти па. Пушкин никогда ни на чем не настаивал, он не требовал безукоризненной точности, разве только немного поправлял. Он учил нас связывать музыку и эмоции, и каждый наш жест должен был быть наполнен чувствами. В результате такой работы мастерство наше росло, но при этом каждый из нас сохранял индивидуальность».

Их отношения сложились не сразу.

«Мягкий и доверчивый Пушкин несколько недель не смотрел в мою сторону. Я не считал это несправедливым, ибо восемь учеников его класса были на очень высоком уровне. Особенно один татарин, удивительно похожий на меня, – писал в “Автобиографии” Рудольф Нуреев. – По сравнению с этими танцовщиками я действительно был пустым местом. Другие ученики не могли понять, почему они должны терпеть рядом с собой неподготовленного провинциального мальчишку, в то время как, по крайней мере, трое из них были вполне сформировавшимися профессиональными артистами. Однажды они подвели меня к зеркалу, занимавшему целую стену нашей классной комнаты, и высказали на-

чистоту все, что думают обо мне: “Посмотри на себя, Нурев... Ты никогда не сможешь танцевать – это невозможно. Ты просто не создан для этого. У тебя нет ничего – ни школы, ни техники. Откуда только у тебя берется наглость заниматься с нами в восьмом классе?!” И они были правы: у меня не было ничего. Для этих отличников, прекрасно вооруженных технически и гордившихся своим традиционным стилем, я был как бельмо на глазу. Они попросту не могли принять меня. В то же время, чем больше я смотрел на них, тем больше убеждался: я занимаю свое место по праву. И не то чтобы я был доволен собой, я только твердо знал, что имею право танцевать, что именно для этого рожден, что мне придется продолжать борьбу, пока все не примут это как факт.

Полагаю, в то время все считали, что я поучусь два года, вымучаю восьмой и девятый классы, а потом навсегда забуду о балете. Много времени спустя Пушкин рассказал, как отрекомендовал ему меня Шелков: “Посылаю вам упрямого болвана, испорченного мальчишку, не имеющего никакого представления о балете. У него плохая элевация⁹, и он не способен правильно держать позицию¹⁰. Предоставляю вам судить, но если он продолжит в том же духе, нам ничего другого не останется, как выкинуть его из училища”.

Несмотря на то, что меня не замечали, с первого урока

⁹ Термин в классическом танце, означающий высокий, парящий и продолжительный прыжок.

¹⁰ Основное положение рук и ног в хореографии.

я понял, что принял верное решение. Александр Иванович Пушкин был действительно замечательным педагогом. Он понравился мне сразу же, как только я его увидел».

Глава седьмая

Баламут

С завидным упорством осваивая элементы, Рудольф укрощал свое тело. С укрощением свобододолюбивого нрава дело обстояло куда хуже. Очевидно, что в святая святых – а именно так многие воспринимали и воспринимают Ленинградское хореографическое училище (ныне Академия русского балета имени А. Я. Вагановой) – был свой, строжайший устав. Учащиеся обязаны были неукоснительно соблюдать существующие здесь правила, в противном случае их ожидали дисциплинарные взыскания, а самых злостных нарушителей – отчисление.

«Завтрак (чай, каша, печенье) подавали с восьми до десяти. Тут же, в столовой, мы обедали (суп, овощи, мясо, десерт) и ужинали (мясо, овощи, сладкое). Эту же столовую посещали артисты Кировского театра, однако они никогда не общались с учениками. Мы уважали, восхищались ими, они же, в свою очередь, не имели права подтрунивать над нами или смотреть на нас сверху вниз. Занимались мы от восьми до одиннадцати часов в день. Два часа отдавали истории искусства, с десяти до двенадцати был урок литературы. После двухчасового урока литературы наступала часть дня, которой я ждал с большим нетерпением, – два часа классического танца.

Занятия балетом в Ленинградском училище были столь насыщенными, хорошо подготовленными и увлекательными, что одно занятие стоило четырех часов работы в любом другом месте Европы. Затем следовал часовой перерыв на обед. За ним – два часа истории балета и истории музыки. Потом мы еще два часа занимались танцем, на этот раз характерным. Наступало семь часов – время ужина. Ежедневно у нас был также урок фехтования, которое традиционно и должным образом преподавали в училище с момента его основания», – писал в своей книге воспоминаний Рудольф Нуреев.

Вскоре после поступления Рудик, по его признанию, начал прогуливать завтраки – хотелось подольше поспать. Продолжал дремать он и на уроках литературы, ненавидел химию, физику.

«Убежден, что подсознательно я всегда был склонен отвергать все в моей жизни, что не обогащает и не затрагивает непосредственно мою единственную всепоглощающую страсть», – впоследствии писал артист.

В интервью он не без удовольствия замечал: «Журналисты “Нью-Йорк таймс” назвали меня человеком, выбивающим двери, ломающим преграды. Это очень точно потому, что я всегда так делал и в итоге добивался своего».

И в те, ученические годы, Рудик решил, что склонять голову перед глупыми, неизвестно кем придуманными правилами он не намерен.

«Помню, как однажды вечером я решил улизнуть из училища и пойти в Кировский театр на “Лебединое озеро” или еще на что-то (в “Автобиографии” – “Тарас Бульба”). Никого не предупредил, не спросил разрешения. Когда я вернулся в интернат, дверь была заперта. Мне пришлось долго по ней барабанить. Наконец меня впустили. В наказание забрали матрас и талоны на завтрак. Ночью я сидел то на полу, то на подоконнике, а наутро пошел завтракать к знакомым. Когда я вернулся, у меня потребовали отчет, почему я отсутствовал на двух первых уроках. Я объяснил, что вечером ходил в театр, после чего мне не дали выспаться, оставили без завтрака, а в следующий раз, похоже, и вовсе высекут розгами. Директор Шелков был вне себя от ярости. В тот же день устроили собрание, на котором мне припомнили все, что я не так делал и говорил, и все, чего не делал и не говорил, – тоже».

Описывая эту историю в книге, Нуреев добавлял: «Знаю, что дисциплина необходима, что именно она выковывает характер, что без нее мы бы постепенно деградировали. Однако это систематическое подавление личности, приглаживание ее до общепринятых канонов – не то, что я понимаю под дисциплиной. Врожденная интуиция подсказывала мне прямо противоположное – я ценил все, что, по моему разумению, способствовало развитию индивидуальности».

Глава восьмая

Судьбоносный успех

Все были абсолютно уверены, что после такого своеволия юноша должен вылететь за дверь, но, к удивлению окружающих и удивлению его самого, Рудик продолжал обучение. «Подошел конец года. Каждый из учеников Александра Ивановича Пушкина должен был подготовить вариацию¹¹ для итоговых экзаменов на сцене Кировского театра. Пушкин решил не выпускать меня на концерт, полагая (и вполне справедливо), что я еще не готов. И все же я не расставался с надеждой. Несмотря на очень плотное учебное расписание, я самостоятельно работал над мужской вариацией из па-де-де¹² Дианы и Актеона. Я подготовил свою вариацию. (Великая Ваганова всегда считала, что вариация – лучший способ показать, на что способен танцовщик.) Однажды вечером я попросил Пушкина посмотреть ее. Я станцевал вариацию для него одного, и он сказал, что я могу принять участие в итоговом экзамене. И я сдавал экзамен.

Еще один танцовщик подготовил ту же вариацию, но ощущение соревнования только раззадорило меня. Когда экза-

¹¹ Небольшой сольный классический танец, обычно технически сложный и композиционно развернутый.

¹² Одна из основных музыкально-танцевальных форм в балете, состоящая из сочетания одиночного и парного исполнения танца.

мен закончился, я знал, что произвел некоторое впечатление. Никто не сделал никаких лестных замечаний по поводу моего танца, однако я понимал, что в этом наиболее требовательном из училищ молчание само по себе означает одобрение. Первый бой был выигран. Мне как бы выдали пропуск, даровали официальное право танцевать. Наконец, я ощутил свою “сопричастность”».

Партнерша Рудольфа Нуреева, народная артистка СССР, балерина Наталья Михайловна Дудинская рассказывала: «Когда этот мальчик оканчивал балетную школу, он уже был полностью сформировавшимся танцовщиком с необыкновенным чувством стиля, потрясающим чувством формы. Казалось бы, откуда взяться всему этому у человека, который мало видел, мало читал, у которого только начиналась жизнь. Думаю, что все это от внутреннего дарования».

В свободное от занятий время Рудик ходил в театр, летал в Москву, чтобы посетить балетные занятия в Большом театре или посмотреть выступления зарубежных гастролеров, и, как и в детстве, непрестанно слушал музыку.

«С одним знакомым я впервые побывал на концертах классической музыки, услышал произведения Баха и Бетховена, сонаты Грига. Для меня явилось откровением то чувство наслаждения, которое приносили эти концерты, – писал Нуреев. – У меня никогда не было собственных пластинок, и вся музыка, которую я знал до сих пор, изливалась из нашего старенького радио в Уфе. В те годы я слушал в основном

Чайковского, а иногда симфонию Бетховена, транслировавшуюся по случаю смерти какого-нибудь выдающегося государственного деятеля. Но на этих ленинградских концертах я впервые открыл для себя, какую чистую радость способен доставить музыка. К концу первого учебного года я взял за привычку ежедневно бегать в расположенный у Казанского собора музыкальный магазин и покупать ноты. Иногда я проигрывал их сам, если мог прочесть с листа, иногда просил сыграть кого-нибудь в училище. В те дни, когда мне не удавалось никого найти, я самостоятельно читал ноты и извлекал из этого массу удовольствия».

Объектом всеобщего внимания Рудольф Нуреев стал в 1958 году. Именно тогда и именно на московской сцене он пережил свой первый настоящий успех. В том году Нуреев должен был выступить на престижном московском конкурсе артистов балета, на который съехались представители всех балетных школ СССР. Неудивительно, что это событие звезда балета вспоминал, как солнечный день среди сотен дождливых: «К конкурсу я подготовил па-де-де из “Корсара”¹³, вариации из “Гаяне”¹⁴ и па-де-де Дианы и Актеона из “Эсмеральды”¹⁵ – три отрывка с контрастным настроением, требующие высокого технического мастерства. Выступил я очень

¹³ Балет на приключенческую тему из жизни корсаров Ш. А. Адана.

¹⁴ Балет Арама Хачатуряна в 4 актах.

¹⁵ Балет, написанный итальянским композитором Ц. Пуни на либретто Ж. Перро.

удачно. Впервые в моей жизни публика вызывала меня на бис».

В тот июньский вечер на похвалы не скупился никто. Его поздравляли «...педагоги и примерные ученики, лучший молодой танцовщик Большого театра Васильев и ведущий дирижер Фельдт».

«Когда я впервые увидел, как танцует Рудик, у меня возникло удивительное ощущение, что на сцене не человек, а красивое животное, – вспоминал народный артист СССР, балетмейстер Владимир Васильев. – Рудольф Нуреев был, как натянутая струна. Никогда не видел я ничего подобного. А ведь мы учились у одних и тех же педагогов».

«Уже на следующий день после московского конкурса его организаторы решили включить меня – единственного представителя Ленинградской хореографической школы – в состав участников фильма о русском балете, фильма, который они снимали в процессе конкурса и после, – вспоминал Нуреев. – Он назван известной строкой А. С. Пушкина “Души прекрасные порывы”. В нем я танцую па-де-де из “Корсара”. Год спустя фильм показали в Уфе. Сестра потом написала мне, что даже в мечтах не представляла себе, как замечательно я буду танцевать. Полагаю, мать тоже была горда и счастлива, но в нашей семье существовало неписаное правило – никогда не говорить вслух о том, что нам дорого. Однако инстинктивно я чувствовал: она любила и понимала то, что я делал».

Впоследствии, вспоминая себя, танцующего в турбане¹⁶, Рудольф рассказывал корреспонденту одной из американских газет: «Я пересматривал этот фильм много раз и никак не мог понять, что так понравилось публике. Непривычно впервые видеть себя на экране. Ощущения смутные, как после первого секса...»

Было бы странно, если бы после такого успеха лучшие театры Москвы не пожелали видеть молодое дарование по фамилии Нуреев у себя в труппах. И они пожелали. Предложения начать творческий путь на их сценах сделали Большой театр и Московский академический Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

«Сразу по окончании училища мне предложили занять место солиста, минуя обычный период пребывания в кордебалете¹⁷, традиционный для любого выпускника хореографического училища», – вспоминал Нуреев.

Одновременно с этим артисту поступило предложение работать в Ленинградском государственном академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Было о чем поразмыслить.

Чуть позже танцевавший «Корсара» на ленинградской сцене Нуреев вновь был обласкан вниманием публики, ему

¹⁶ Мужской и женский головной убор в виде куска ткани, обернутого вокруг головы.

¹⁷ Артисты балета, исполняющие массовые танцевальные номера.

без устали аплодировали, вызывали на бис, им восторгались, а в довершение ко всему знаменитая балерина Дудинская вдруг совершенно серьезно, глядя Рудику прямо в глаза, сказала: «Не валяйте дурака. Не вздумайте предпочесть Большой театр. Оставайтесь здесь, и мы будем танцевать вместе».

Сама Наталья Дудинская приглашает его, двадцатилетнего мальчишку, быть ее партнером! К тому же она была права. Большой театр не может дать артисту возможность выразить себя так, как ему того хотелось бы.

«Большой стал витриной советской жизни. Одна из основных задач этого театра состоит в том, чтобы производить впечатление на приезжающих иностранцев и толпы туристов, ежедневно прибывающие в столицу из самых отдаленных уголков Советского Союза. Все здесь подчиняется государственной политике, и даже репертуар разрабатывается в соответствии с указаниями сверху. Совсем другое дело – Ленинград: удаленный от центра, с возможностью выбирать и относительно свободно проявлять себя в творчестве. По вышеперечисленным причинам, а также из-за преклонения перед Мариинским и моей непосредственной связи с Ленинградским хореографическим училищем, я выбрал Кировский».

Глава девятая

«Прелести» театральной жизни

Небольшая комната в общежитии, предназначенном для работников театра, кровати-полки, наподобие тех, что в железнодорожных вагонах и... семь человек соседей, расположившихся здесь же, на соседних койках. Среди них – водители грузовиков, рабочие сцены – люди шумные, грубоватые, весьма далекие от искусства. Из-за постоянного гвалта, посторонних разговоров, сальных шуточек невозможно было сосредоточиться на главном. Для человека, с детства оценившего всю прелесть уединения, предложенные условия были, хоть и привычны, но непереносимы. Не так представлял себе Рудольф Нуреев жизнь артиста Кировского театра. Впрочем, требовать большего было бы наглостью – Рудик только начинал свою карьеру. Не так давно он едва не лишился места в театре, только поступив сюда на службу.

«...Принесли телеграмму, которая прозвучала, как гром среди ясного неба. В ней говорилось, что я больше не артист Кировского театра, что я обязан явиться в Уфу и танцевать там, в возмещение долга Башкирской республике за ее помощь во время моей учебы. Без промедления, первым же самолетом я вылетел в Москву и бросился прямо в Министерство культуры, полный решимости добиться хоть какого-то объяснения по поводу этой внезапной ссылки, – писал

артист в “Автобиографии”. – Меня приняла женщина, которая ни слова не добавила к тексту телеграммы. “Вы обязаны вернуться в Уфу, выступать там и вернуть ваш долг”. Я попытался представить свои аргументы и убедить ее в том, что недавние события радикально изменили ход моей карьеры и что было бы нелепо разрушать ее переездом в Уфу, где все наработанное мной в Ленинграде вскоре пошло бы на смарку. Но она даже слушать не хотела и категорически отвергла мою просьбу остаться в Кировском. Много позже я узнал, что на следующий же день эту женщину уволили из Министерства и тоже без каких-либо объяснений. Разумеется, я был полон решимости не ехать в Уфу и не собирался сдаваться без отчаянной борьбы. Я решил воспользоваться приглашением Большого театра и пошел на прием к директору, который немедленно предложил мне присоединиться к труппе, хотя знал, что мой выбор пал на Кировский. Я полетел в Ленинград, чтобы упаковать вещи и попрощаться с друзьями перед тем, как навсегда переехать в Москву».

А ведь именно Москва была первым городом, поманившим Нуреева к себе. Это было еще в ту пору, когда он работал в Уфимской опере. В столице намечалось заманчивое для всех его коллег событие – Декада башкирского искусства. Это был еще один шанс после провороненного первого, когда у отца не хватило денег, когда он так и не попал в Ленинград. Теперь все зависело исключительно от самого Рудольфа.

«Наступил день, когда танцовщики Уфимской оперы предстали перед комиссией по отбору на башкирскую декаду. Все были готовы – и артисты, и комиссия, за одним исключением: по неизвестной причине отсутствовал исполнитель сольной партии в балете, которую предстояло исполнить. Тогда директор вышел на сцену и созвал всех артистов. Он объяснил положение и спросил, не согласится ли кто-нибудь станцевать эту партию, чтобы просмотр все же состоялся. Такая ситуация часто встречается в романтической литературе или в кино. Не помню толком, как все произошло; почти не сознавая, что делаю, я поднял руку и вышел вперед. После короткой беседы с балетмейстером я вышел на сцену и станцевал. После этого выступления поездка в Москву была мне обеспечена.

В Москве, может быть, из-за переутомления или перевозбуждения, а, может быть потому, что я еще не привык к жизни профессиональных танцовщиков, к изнурительному ритму их работы (в день приезда у нас было три репетиции), я был слишком напряжен. После пируэта я неудачно приземлился и растянул пальцы. Ноги вскоре так распухли, что я не мог надеть на них даже обычную обувь, не говоря уже о балетных туфлях».

Сколько еще будет в его жизни огорчений, досадных ситуаций, предательства, сколько боли придется ему перенести! Но тогда случившееся показалось Рудику настоящей катастрофой. Долгожданная, можно сказать, выстраданная удача

отворачивалась от него. Ну, уж нет! Ни за что на свете!

«Через неделю я был уже здоров и отправился в класс знаменитого Асафа Михайловича Мессерера, танцовщика Большого театра и одного из самых известных в России педагогов. Его класс усовершенствования артистов балета ежедневно посещала Галина Уланова. Мессерер велел подождать конца занятий, чтобы устроить мне просмотр. Однако вскоре его вызвали по какому-то срочному делу, и он так и не вернулся. Я ждал, ждал и готов был уже разрыдаться.

На следующий день мне повезло больше. Мессерер куда-то уехал, и для просмотра назначили другого педагога. В конце просмотра тот сказал, что, если я хочу поступить в Московское хореографическое училище, по его мнению, меня могут принять сразу в восьмой класс. Это было почти чудо.

Однако в те дни училище при Большом театре не имело общежития. Молодые танцовщики, посещавшие занятия, должны были жить в городе на собственные средства. Как я мог оплачивать питание и жилье в Москве? А в Ленинградском училище общежитие уже существовало».

И вот, спустя годы Москва снова позвала его. Большой театр гостеприимно распахнул свои двери. Для другого танцовщика, артиста это было бы пределом мечтаний.

«Когда директор Кировского узнал, что я в городе, он вызвал меня к себе и спокойно сказал: “Зачем вы ставите себя в такое глупое положение, Нуреев? Вопрос о вашем уволь-

нении из нашего театра никогда не вставал. Распаковывайте вещи и оставайтесь с нами. Ваша зарплата ждет вас!»».

Что это было? Рудик разумно решил: вопросов лучше не задавать.

Меж тем в Ленинградском театре оперы и балета, как и в жизни Рудольфа, предстояло грандиозное событие – балет-спектакль «Лауренсия»¹⁸, в котором он должен был исполнять партию влюбленного в героиню Фрондосо на одной сцене с самой Дудинской. Дабы не ударить в грязь лицом, следовало сконцентрироваться на творчестве, наконец, полноценно отдыхать. В общежитии из-за царившей там атмосферы ни то ни другое было попросту невозможно.

«Накануне спектакля мой учитель пригласил меня к себе домой, чтобы я смог выспаться, – писал Нуреев в “Автобиографии”. – Если бы не гостеприимство Пушкина, не знаю, как бы мне удалось станцевать, но благодаря поддержке учителя, я восстановил до некоторой степени свое душевное равновесие и станцевал партию, по счастью, удачно».

Коллеги Дудинской и Рудольфа Нуреева позже вспоминали: «Наталья Михайловна Дудинская всегда имела колоссальный успех у публики. В тот вечер успех Рудольфа был не меньший». Уже после, прожив несколько лет за рубежом, поработав в Королевском оперном театре Ковент-Гарден, во время одного из интервью артист заметил: «В Ковент-Гарде-

¹⁸ Балет Александра Крейна, либретто Евгения Мандельберга по драме Лопе де Вега «Овечий источник».

не не нужно ждать месяцами, когда тебе подадут кусок хлеба, как это было в свое время в Кировском».

Действительно, не все так радужно оказалось в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова с возможностью творческого самовыражения. А уж о зарработке и говорить не стоит.

«После “Лауренсии” я выступал крайне редко. Кировский театр дает всего пятнадцать представлений в месяц. Если учесть, что труппа включает пятнадцать солистов и двадцать первых танцовщиков (любой из нас имеет право на главную партию в балете), то понятно, что каждый артист появлялся на сцене не так часто, как хотел бы – не более пяти раз в год. И вот, ты занимаешься, репетируешь и ждешь – остается только мириться с таким удручающим положением вещей».

На этом разочарования не заканчивались. Незадолго до очередного и такого долгожданного спектакля Рудик порвал связку на ноге. Карьера грозила завершиться, едва начавшись.

«Накануне спектакля, после целого дня самостоятельной работы, бесконечного повторения всех вариаций, постановщик заставил меня принять участие в общей репетиции, не учтя, сколько я уже отработал. Я был переутомлен, а мышцы мои перенапряжены. И случилось неизбежное – травма».

Из больницы впавшего в отчаяние и уже было распрощавшегося с мечтой танцевать дальше молодого человека забрал все тот же Александр Иванович Пушкин. Обнадежив парня,

он привез его в свой дом, ввел в свою семью.

«Благодаря неусыпным заботам Пушкина и его жены, а также ежедневным визитам врача, через двадцать дней я смог приступить к занятиям в классе. Еще через три недели я уже вовсю работал. Доброта Пушкиных имела для меня еще одно серьезное последствие – я ощутил, что обрел дом и впервые проблемы повседневной жизни стали отступать на второй план. У меня будто гора с плеч свалилась. Я чувствовал, что могу более, чем когда-либо прежде, беспрепятственно посвятить себя танцу.

Квартира Пушкиных находилась в здании, стоявшем во дворе училища. Через двадцать минут после пробуждения я уже мог быть на репетиции или занятии в классе. Дом Пушкиных всегда был полон жизни, друзей, веселой суеты. Некоторые танцовщики Кировского имели большие, просторные квартиры, и все же меня никогда не тянуло остаться там дольше, чем на полчаса. Однако в квартире Пушкиных с мебелью красного дерева и яркими занавесками было так уютно, что никогда не хотелось уходить. Сюда заглядывали все танцовщики и хореографы Кировского – кто на чашку чая, а кто оставался и на ночлег. Дом Пушкина казался благодатным, защищенным маленьким островком, где единственным, что имело настоящее значение, был балет», – писал танцовщик в книге воспоминаний.

В одном из интервью заслуженный артист РСФСР Михаил Барышников рассказал: «Я не знал Рудольфа в России.

Он был старше меня на десять лет и остался в Париже за три года до того, как я приехал в Ленинград. Но он был для нас легендой. И когда наш общий друг подошел ко мне в Лондоне и сказал: “Рудольф хочет с тобой встретиться, если ты этого хочешь”, я конечно, ответил: “Да”. На следующий день наш друг заехал за мной рано утром, чтобы люди из КГБ не видели, как я ухожу из отеля. Мы подъехали к дому Рудольфа – большому, красивому каменному особняку, стоящему на краю громадного парка. Дом был почти пустой – только штабеля книг по всему полу и несколько предметов из старинной итальянской мебели. В центре этого большого пустого пространства сидел Рудольф. Мы провели вместе целый день. Он расспрашивал меня о труппе, о ребятах, об их судьбах, но больше всего ему хотелось говорить о танце: об учителях и технике, о том, как делают класс русские, как делают его французы, как – англичане, и как долго они разогреваются, и как работают у палки... Он становился все более увлеченным, эмоциональным.

Он был одним из первых в России, кто вышел на сцену в одном трико и танцевальном бандаже. Большинство танцовщиков носили для благопристойности мешковатые короткие штаны. Долгое время Рудольф жил в доме нашего балетного педагога Пушкина. Один наш общий друг рассказывал, что однажды пришел к Пушкину, дверь ему открыла жена Александра Ивановича, Ксения и сказала: “Т-с-с, Рудик слушает музыку в комнате”. Друг сказал: “Хорошо, я буду слушать

вместе с ним». Когда он вошел в комнату, Рудольф сидел на полу, слушал Бранденбургский концерт – он страстно любил Баха – и играл с детским паровозиком. Вероятно, ему было уже двадцать лет. В некотором роде, это сущность Рудольфа: Бах и детский паровозик. Он был большим артистом и большим ребенком».

Уже спустя неделю после выздоровления Нуреева настиг новый удар. Вот как это было: «Я узнал, что артисты Кировского будут вскоре выступать на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене и что танцовщиков из всех советских республик пригласят в Москву на отбор. В списке ленинградцев я себя не обнаружил».

Сколько раз говорил он себе, что надо прикусить язык, не спорить, не язвить, обуздать свой характер. Не смог. В результате коллеги начали активно «дружить» против него. «Возможно, он и хорошо танцует, но в труппу совсем не вписывается», – говорили они о Рудике. Не лучшим образом сказалось на репутации Рудольфа и его нежелание вступить в комсомол.

«Поскольку обычная советская молодежь, не колеблясь, вступает в комсомол, мой отказ естественно сделал меня объектом подозрений, сомнительным общественным элементом. В России вся так называемая верно мыслящая молодая элита стремится объединиться в один большой могучий коллектив. Все комсомольцы думают одинаково, выглядят одинаково, говорят одинаково. Непостижимо, что кто-то

пытается отделить себя от них, остаться в стороне, наедине с самим собой. Эта ненормальная склонность к уединению заслуживала презрения. Вот так получилось, что уже в первый год моего пребывания в Ленинградском хореографическом училище были посеяны семена серьезной неприязни по отношению ко мне», – вспоминал артист в «Автобиографии».

Еще одним аргументом не в его пользу стали отношения Рудика с красивой кубинской танцовщицей. Уже после смерти Нуреева кто-то из его соучеников вспомнит: да, действительно, был у Рудика непродолжительный роман с воспитанницей Ленинградского хореографического. Вскоре после окончания училища, девушка уехала в Москву, а затем на Кубу. Провожая любимую, Рудольф запрыгнул в отъезжающий поезд и там, сидя в купе, они плакали и прощались.

Но это дело прошлое, а теперь ему нужно во что бы то ни стало отстаивать свои права.

«Я пошел к директору и убедил его, что должен участвовать в конкурсном отборе. Мою фамилию внесли в список конкурсантов...

Вена понравилась мне с первого взгляда. Она показалась самым веселым, красивым и гостеприимным городом из всех, какие я когда-либо видел», – вспоминал Нуреев.

На обратном пути, возвращаясь в Москву с пересадкой в Киеве, в перерыве между отбытием и прибытием поездов, составлявшем несколько часов, Рудольф и путешествовавший вместе с ним оркестрант из Кировского решили осмот-

реть город, зазевались и... поезд уехал без них. С кем не бывает? Происшедшее могло стать поводом для шутки и только. Но уже тогда, стоя на вокзале, Рудик кожей чувствовал: грядет недоброе.

«Я сказал своему приятелю, что готов биться об заклад: его оркестр встретит смехом и шутками, в то время, как мое отсутствие будет истолковано в совершенно ином свете».

И действительно, в труппе были уверены: уж на этот раз нарушение дисциплины Нурееву не простят, уволят, как пить дать. Мысль о подобной перспективе для выскочки грела, похоже, многих. Они уже начали делить между собой партии, которые танцевал Рудик. А репертуар у Рудольфа Нуреева был завидный: «Спящая красавица»¹⁹, «Лебединое озеро»²⁰, «Гаяне».

«Репетитор, рассказавший мне эту историю, добавил, что, вероятно, они вели себя так из зависти. В том поезде ехал секретарь комсомольской организации театра, с удовольствием поощрявший травлю: ведь я не был одним из них».

Позже Нуреев рассказывал: «Уже тогда, в истории с Венной руководство подозревало, что я хочу и могу попытаться остаться за границей. Не знаю, с чего они это взяли, но предупредительно-вежливые беседы были проведены со всеми, с кем я более или менее регулярно общался. В первую оче-

¹⁹ Балет П. И. Чайковского на либретто И. Всеволожского и М. Петипа по сюжету одноименной сказки Ш. Перро.

²⁰ Балет П. И. Чайковского, либретто В. Бегичева.

редь, конечно, “допросили” мою маму и сестру. У меня же даже в мыслях не было куда-то бежать».

Не секрет, что инакомыслие, нежелание шагать в ногу со всеми, ершистость, потребность говорить правду всем и каждому жестоко караются в обществе. Для таких оригиналов у каждого припасено свое оружие: у одних – демонстративное безразличие, у других – насмешки, у прочих – клевета. Рудольфу Нурееву довелось испытать на себе все.

«Некоторые члены труппы уже не просто плохо относились ко мне, а активно пытались избавиться от меня. Это приняло форму организованной кампании клеветы и почти ежедневных нападок, продолжавшейся почти три года», – вспоминал артист.

Конечно, Рудик понимал, что сам дразнит гусей: регулярно посещал он выступления зарубежных артистов и «вступал с ними в предосудительные контакты». В его случае «предосудительные контакты» означали естественный интерес к коллегам, приехавшим на гастроли из других стран, желание познакомиться, пообщаться, обменяться опытом, больше узнать о зарубежном искусстве.

И руководство театра, и сотрудники КГБ, которые начали шпионить за Рудиком уже в ту пору, подозревали, что этот странный Нуреев может выкинуть что-нибудь такое, что потом придется «расхлебывать» всему театру.

Сам артист очень просто объяснял свое поведение: «...сравнивать, усваивать, обогащать свое искусство новым опы-

том на благо себе и своей стране. Птица должна летать, видеть соседский сад и то, что лежит за холмами, а потом возвращаться домой, расцвечивать жизнь рассказами о том, как живут другие, новыми возможностями своего искусства».

Заинтересованность молодого артиста, его открытость не могли остаться незамеченными. Иностранные коллеги отвечали Рудику взаимностью. Но, как только расстояние между ними опасно сокращалось, срабатывал инстинкт самосохранения.

«Один случай запомнился мне особо. Это произошло 26 июля 1960 года. В тот день я впервые танцевал в “Дон Кихоте”²¹ и снискал очень большой успех. Все исполнители мюзикла Фредерика Лоу “Моя прекрасная леди” пришли в Кировский, чтобы увидеть балет. По окончании спектакля вся сцена была усеяна красными розами. Я попросил собрать их и вручить американцам, чье шоу мне в свое время так понравилось (хотя в ту пору я плохо понимал по-английски). Они в ответ пригласили меня вместе поужинать. У меня хватило здравого смысла под благовидным предлогом отказаться от приглашения».

²¹ Балет Александра Горского на музыку Людвиг Минкуса по произведению Мигеля Сервантеса «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский».

Глава десятая

Фортепиано из ГДР и правительственная дача

Тянулись недели, месяцы. Как и любому артисту, Рудинку хотелось постоянного контакта с публикой, хотелось раскрывать новые грани своего таланта, но ветераны балета и конкуренты уступали сцену неохотно. Кроме того, ведущие танцовщики не желали работать в условиях, кажущихся им неподобающими. В таких случаях руководство театра вспоминало о молодых сотрудниках.

«Меня вдруг решили послать на Берлинский фестиваль: этот фестиваль собирал в основном артистов из так называемых стран социалистического лагеря. Когда я стал протестовать и говорить, что это похоже на ссылку, директор расхохотался и объяснил: в Берлине ждут Галину Уланову, но она больна, и я должен заменить ее: “Какая там ссылка, Руди? Это особая честь!” – сказал он.

Пришлось поехать.

В поезде я оказался вместе с цирком. Была поздняя осень, мы проехали пять тысяч километров на автобусе через всю Германию. Сначала были в Восточном Берлине, потом в тридцати маленьких восточногерманских городках, где я танцевал в кафе и полуразрушенных театриках. Турне ока-

залось сплошным кошмаром. Я все время чувствовал себя озябшим и усталым, а ноги мои были в ужасающем состоянии. Однажды ночью нам пришлось восемь часов просидеть в ледяном автобусе, дожидаясь пока его починят. Иногда мы приезжали на место в шесть часов вечера и уже через полчаса должны были танцевать в кафе перед безразличной, полупьяной публикой. Весь этот ужасный месяц меня не оставляло глухое бешенство. Единственным светлым пятном оказалось то, что я потратил мало денег, поэтому смог купить прекрасное фортепиано».

Постичь волшебство игры на фортепиано – мечта Рудольфа, зародившаяся еще в детстве вместе с мечтой о танце, с тех пор как он начал слушать радио. В свое время и она показалась его отцу легкомысленной: «Я очень хотел научиться играть на фортепиано. Когда я сказал об этом отцу, он ответил: “Но, Руди, это же неинтересно. Да и научиться играть очень трудно. Куда полезнее уметь играть на аккордеоне или на губной гармошке. С аккордеоном ты всегда будешь желанным гостем на любой вечеринке – его всюду можно взять с собой. А пианино... его не потащишь на спине. Да и не всем оно нравится”.

Это правда, фортепиано не всем нравится, но я обожал его тогда, обожаю и сейчас. Жаль, не удалось убедить отца, что музыку не стоит ограничивать теми инструментами, которые можно носить на спине».

Но вот еще одна мечта сбылась! Купленное в ГДР пиани-

но взяла на хранение в свою квартиру всегда любившая и поддерживавшая брата во всех начинаниях сестра Рудольфа Роза. Здесь оно и дожидалось своего хозяина.

Много позже в «Автобиографии» Нуреев писал: «Я так люблю музыку, что могу часами просиживать за фортепиано, наигрывая простые мелодии любимых композиторов, и никогда при этом не устаю. Если под рукой нет инструментов и пластинок (хотя сегодня я просто не могу обходиться без них и всегда таскаю с собой портативный транзисторный проигрыватель, чтобы можно было послушать музыку в любой момент), я способен извлечь удовольствие просто из чтения клавира. Должен признаться, что так называемая трудная музыка мне особенно нравится, и я буквально упиваюсь Моцартом, Прокофьевым, Шопеном. Их гармонии проникают прямо в душу. Они заставляют меня забыть все, что я не хочу помнить, а такую потребность я испытываю частенько – стереть из памяти лица, события. Из всех композиторов, с творчеством которых я знаком, предпочитаю Скрябина. В моей личной иерархии мастеров, он стоит рядом с Федором Михайловичем Достоевским и Винсентом Ван-Гогом. И все это, благодаря объединяющим их благородству и неистовству. Это мои самые любимые художники».

Кого могло волновать то, как мучительны для талантливого, полного сил и идей артиста три месяца простоя, следовавшие за поездкой в Германию? Это даже не невозможность птицы подняться над соседним садом, чтобы полюбо-

ваться им. Это заточение птицы в клетку. А, как известно, когда пернатое существо долгое время вынуждено сидеть на жердочке, крылья его слабеют. Сложившееся положение вещей угнетало Рудика. Приступы мрачного настроения случались все чаще.

«В декабре меня послали в Йошкар-Олу. Зимой там очень холодно! Для танцовщика, больше всего боящегося из-за переохлаждения потерять эластичность ног, – писал в своих воспоминаниях Нуреев, – поездка выглядела особо непривлекательной. Я сказал Константину Сергееву (художественный руководитель), что согласен поехать только в том случае, если из Москвы полечу самолетом. Я готов сам заплатить за билет – лишь бы не тащиться всю дорогу поездом. Сергеев обещал, но самолет из Москвы не летал!

Целый день и всю ночь я трясся в поезде – с той же цирковой труппой, с которой я уже побывал в Берлине. А вечером в день приезда я должен был выступать. И я танцевал – на крошечной сцене. Но сразу после представления я отказался от дальнейших выступлений и уехал из театра. А через несколько часов мне удалось сесть на поезд до Москвы, где меня уже ждал приказ немедленно явиться в Министерство культуры. Чиновник объявил мне, что за “самовольство” я буду наказан двояким образом: во-первых, меня никогда больше не пустят за границу, во-вторых, мне больше не позволят выступать перед членами советского правительства.

Последнее меня не слишком огорчило, поскольку я знал, что на подобных официальных приемах внимание уделяется, скорее, застолью, чем искусству и так дело обстоит в большинстве стран.

Однажды я уже танцевал на даче маршала Николая Булганина в присутствии Никиты Сергеевича Хрущева. Это было в июне 1960 года. Меня вызвал директор Кировского и сообщил, что моя коллега, балерина Нинель Кургапкина и я отобраны для выступления перед высокопоставленными деятелями партии и правительства. Я решил танцевать вариации из “Дон Кихота”. В Москве к нам присоединились московские и украинские артисты. Прием был посвящен встрече партийного руководства с представителями советской интеллигенции. Погода была чудная, и прием проходил под открытым небом. В саду устроили настоящий праздник со стендами для стрельбы и конкурсами рыболовов. Атмосфера получилась очень веселой и непринужденной. По всему саду расставили столы, покрытые сверкающими белизной, накрахмаленными скатертями. Я не узнал никого из партийных деятелей, кроме, разумеется, Хрущева, супруги Никиты Сергеевича – Нины Петровны и маршала Ворошилова. Зато я встретил там Дмитрия Шостаковича, Арама Хачатуряна, Эмиля Гилельса, Святослава Рихтера – моего любимого пианиста».

«Это была дача Хрущева, – рассказывала, в свою очередь, народная артистка СССР, балетный педагог Нинель

Александровна Кургапкина. – В ручьях охлаждались бутылки шампанского, стояли мангалы, на которых жарилось мясо. Все было роскошно».

«К концу этого прекрасного дня, – продолжал Рудольф Нуреев, – последовали обычные длинные речи о значении и задачах советской культуры, но затем Ворошилов начал петь украинские песни своим дребезжащим баском. Хрущев подхватил. Оба они хорошо знали народные песни и пели их с большим удовольствием. Минуло шесть часов, прием подошел к концу. В первый и, наверное, в последний раз я танцевал в присутствии руководителей нашей страны».

Глава одиннадцатая

До скорой встречи

Через год, в 1961 году в коллективе стали поговаривать о предстоящей поездке труппы в Париж. Обычно будничная, рабочая атмосфера в театре теперь была оживленной, как в преддверии праздника. И только Нуреев был отстранен и мрачен. С некоторых пор он даже не мечтал оказаться среди счастливичков, которым предстояло танцевать в городе любви. Несколько раз предпринимал он попытки выехать за рубеж в качестве туриста и ни разу ему это не удалось. Впрочем, маленькая надежда затеплилась в душе Рудика, когда он узнал, что его имя включено в список артистов, которые должны танцевать в Великобритании. Но что такое список? Завтра директор проснется в дурном расположении духа, выберет наиболее подходящую, по его мнению, кандидатуру и танцовщик Рудольф Нуреев будет удален из этого самого перечня одним росчерком карандаша.

«И все же чудо произошло: я поехал, — писал в “Автобиографии” артист. — По странному стечению обстоятельств, я целиком обязан этим человеку, всегда казавшемуся сильно настроенным против меня, — Константину Михайловичу Сергееву. Он был нашим ведущим танцовщиком, но за месяц до отъезда в Париж я узнал, что он едет туда всего лишь как “художественный консультант”. Его жена прима-балери-

на Наталья Дудинская также ехала в том же качестве. Оба они были великолепными танцовщиками, однако, возраст (и тот, и другая отпраздновали пятьдесят) оставлял им мало шансов покорить французскую публику. Нам сказали, что парижские балетоманы не собираются ходить в театр, чтобы смотреть на танцовщиков, которым за сорок. Появился риск, что Парижская опера будет наполовину пуста. Поэтому французские организаторы гастролей еще за месяц до их начала попросили Сергеева назначить молодого солиста для исполнения в Париже его партий. Выбор, должно быть, дался ему непросто – он, влиятельный, послушный лидер труппы, и я, ее самый недисциплинированный и вызывающий массу нареканий танцор. У меня оставался месяц на подготовку репертуара Сергеева и моего собственного – Голубая птица в “Спящей красавице”, Солор в “Баядерке”, “Дон Кихот”, Альберт (Альбрехт) в “Жизели”, Андрий в “Тарасе Бульбе”.

Я работал ежедневно под руководством Пушкина, и обычная радость от репетиций смешивалась с особым возбуждением: вскоре осуществится давно лелеемая мною мечта – увидеть Париж».

Воистину, неисповедимы пути Господни! В мае 1961 года, прощаясь с Александром Ивановичем Пушкиным и его семьей, с теми немногими коллегами, с которыми Рудик сохранил уважительные и даже приятельские отношения, с мамой и любимой сестрой Розой, он произнес слова, которые, отправляясь в дорогу, произносят многие: «До скорой встре-

чи». Наверное, в этот момент кто-то на небе лукаво улыбнулся. Уж он-то точно знал...

«Мы прибыли за три дня до первого представления и провели их непрестанно репетируя в Опере. В соседнем помещении занимались танцовщики Французской оперы, однако, за исключением Клэр Мотте, Клод Бесси и Аттилио Лабиса, никто не приходил посмотреть, как мы работаем, и сравнить технику. Это было удивительно. Лично я, не задумываясь, летал из Ленинграда в Москву на один день, как только узнавал о выступлении там интересного танцовщика. В конце концов, танцор совершенствует свое мастерство именно благодаря изучению живого танца, а не чтению о нем.

Мне предстояло впервые выйти на сцену только на пятый день гастролей, когда интерес газет к приезду труппы спадет. Поэтому в течение этих первых вечеров я был свободен. В день нашей премьеры я один пошел в зал “Плейель”²² послушать сольный концерт американского скрипача и дирижера Иегуди Менухина, выступавшего с баховской программой. В следующие дни и вечера Клер Мот, Лабис и еще один их приятель-танцовщик показывали мне город. Наконец я увидел Париж, о котором столько мечтал: долгие прогулки по Монмартру и Монпарнасу, вдоль набережных, многие часы в Лувре – все доставляло мне радость. Это было совершенно новое ощущение, что-то электрическое в воздухе, атмосфе-

²² Зал для концертов симфонической музыки на 1900 зрительских мест в Париже.

ра нескончаемого праздника на улицах.

И вот наступил вечер моего выхода на сцену. Я должен был исполнить ведущую партию Солора в балете Минкуса “Баядерка” – одну из моих самых любимых. Это произошло 21 мая.

В первые же дни я получил известия из Ленинграда: мне сообщали, что советская пресса пока не уделила нашим парижским выступлениям ни одной строчки. Однако после исполнения партии Солора я с радостью узнал, что во всех местных газетах появились статьи с необычными заголовками: “Кировский обрел собственного космонавта – Рудольфа Нуреева!”».

Французские критики, которые, естественно, присутствовали на премьере, вновь явились в театр в полном составе, и один из них сравнил меня со спутником. Все это было довольно забавно и воспринималось с известной долей скептицизма».

Глава двенадцатая

Воздух свободы

Блестящее выступление, внимание французской прессы, благодарная публика... не хватало одного, вполне естественного для его возраста события – Рудик должен был бы увлечься какой-нибудь хорошенькой девушкой. И это случилось. Ее звали Клара, и она оказалась француженкой.

«Это произошло самым обыкновенным образом. После спектакля я присоединился к французским друзьям, которые поджидали меня в машине у театра. Мы поехали праздновать успех. Сзади сидела молодая девушка, которую я прежде никогда не видел. Очень бледная, тоненькая, она выглядела не более, чем на шестнадцать лет. Мне представили ее, как Клару Сен. Она была обручена с одним из сыновей министра культуры Франции, Венсаном Мальро, уехавшим на пару дней на юг страны.

За весь вечер Клара едва ли произнесла одно слово. У нее были красивые прямые волосы с красноватым отливом, и она имела привычку отбрасывать их назад мягким, почти детским движением. Она покачивала головой и улыбалась, но молчала. С первого взгляда она мне очень понравилась».

Обручена? И что же? Рудольф не делал ничего предосудительного. Он только пригласил девушку в Оперу на «Каменный цветок» Сергея Прокофьева, в котором не танцевал сам.

Они сидели в ложе и, может быть, впервые в жизни он смотрел не на сцену. Тут же, рядом с ними упивались спектаклем друзья Клары – группа молодых французских танцовщиков.

Такое настораживающее с точки зрения руководства Кировского театра, соседство не могло остаться без внимания.

«Во время антракта меня отозвали в сторону и отчитали за общение с нежелательными людьми», – писал артист в «Автобиографии».

Но, как когда-то заметила школьный педагог Рудика, влиять на него было бесполезно. Тем более теперь, когда он был увлечен. Пропустив предупреждение мимо ушей, вместе с компанией французских приятелей и Кларой Рудольф отправился ужинать в ближайшее кафе. Именно там Клара узнала: ее жених Венсан Мальро трагически погиб.

«С того дня мы стали встречаться практически ежедневно, но почти всегда в общественных местах и никогда не оставались наедине. Несмотря на такие предосторожности, у меня очень скоро начались неприятности. Мне предложили “прекратить встречи с французскими друзьями”. И настойчиво рекомендовали забыть Клару.

Однажды меня вызвал директор театра Георгий Коркин и заявил: “Если ты еще раз увидишься с этой чилийской перебежницей (почему перебежницей, я не понимаю до сих пор), нам придется строго наказать тебя”. Он всегда говорил со мной тоном взрослого человека, отчитывающего непослушного ребенка, что не могло не раздражать».

Молодость беспечна, она не задумывается о последствиях. Махнул на них рукой и Рудик: будь, что будет. Влюбленность, успех, парижский воздух, свобода – опьяняли его. Меж тем тучи над головой молодого артиста сгущались. Вот как в одном из интервью вспомнила то время соученица и коллега Рудольфа Нуреева Марина Васильева: «Париж был покорен. Все газеты пестрели фамилией Рудика. Но успех успехом, а дисциплину никто не отменял. Вся наша труппа должна была соблюдать режим. В гостиницу мы были обязаны являться не позже определенного времени. Рудик же приходил поздно вечером, а то и под утро».

«Когда я добрался до отеля “Модерн”, знакомый голубой автобус уже ждал у входа. На этом автобусе вся кировская труппа (правда, почти всегда без меня) с середины мая разъезжала по городу. На этом автобусе мои коллеги открывали для себя Париж, ездили на работу или на обед. И не то чтобы 120 танцовщикам, составлявшим нашу труппу, было приказано так поступать. Они делали это по привычке, привычке людей нашей страны делать все вместе – потребуются несколько поколений, чтобы изжить ее», – писал Рудольф в «Автобиографии».

А вот что рассказала партнерша Рудольфа Нуреева, солистка Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова Алла Осипенко: «С нами ездили два сотрудника КГБ. Они назывались “режиссеры”. Конечно, мы все их знали. Один был весьма забавный. Помню, как-то сидя рядом со

мной за столом и опрокинув стопку водки, он спросил: “Может советский режиссер выпить?!”, – “Конечно, может”, – ответила я. Не думаю, чтобы они следили за всеми нами. Слежку вели только за теми, кто, по их мнению, мог и хотел бежать».

Рудольфа Нуреева считали именно таким. Сохранилось документальное тому подтверждение, а именно, служебная записка, адресованная председателю КГБ, Александру Николаевичу Шелепину. Вот текст той записки: «3 июня сего (1961) года из Парижа поступили данные, что Нуреев Рудольф Хамитович нарушает правила поведения советских граждан за границей. Один уходит в город, возвращается в отель поздно ночью. Кроме того, он установил близкие отношения с французскими артистами. Несмотря на проведенные с ним беседы профилактического характера, Нуреев поведения своего не изменил».

Происходящее напоминало шпионский роман, который щекотал нервы и даже веселил. К каким только уловкам не приходилось прибегать Рудику, чтобы выйти из гостиницы не замеченным сотрудниками КГБ (иначе, ему было бы приказано вернуться в номер). А ему всего-то хотелось встретиться с новыми друзьями, вместе погулять по городу и выпить кофе.

«Я понимал, что меня хотят поймать на каком-нибудь промахе, который бы позволил немедленно отослать меня домой».

Впоследствии, желая оправдать свои действия, советские официальные лица заявляли в прессе, что Нуреев «изнурял себя беготней по Парижу, регулярно опаздывал на репетиции и являлся на них не в лучшей форме».

Глава тринадцатая

Танцуй в Кремле

Того, что произошло 17 июня 1961 года не ожидал никто из артистов. Как известно, второй частью турне русской балетной труппы Кировского театра должны были стать гастрольи в Великобритании. И, как было написано выше, в списке тех, кто летел выступать в Лондоне, фигурировали имя и фамилия Рудольфа Нуреева.

«Я вам больше скажу – Нуреев должен был возглавлять эту поездку! – рассказывала в одном из телефильмов, посвященных артисту, балерина Наталья Дудинская. – На нем были партии в “Спящей красавице”, “Баядерке” и “Жизели”».

«Впервые выступать в Лондоне – это очень грело душу. В моей личной иерархии столиц я всегда ставил Лондон очень высоко – между прочим выше Парижа», – писал артист.

Всю ночь перед отъездом он гулял по городу и веселился с французскими друзьями. Вернулся под утро и, насвистывая, начал собирать чемодан. Настроение было прекрасное, как и занявшийся за окном солнечный денек. Ничто не предвещало дурного.

Позже, в одном из интервью Рудольф рассказал, что было дальше: «Когда мы приехали в аэропорт, мне вдруг сказали: для вас места в самолете нет. Меня это удивило: для человека, принесшего столь громкий успех Кировскому театру, не

нашлось места в самолете? Это могло означать только одно: взяли кого-то другого».

А вот что о тех событиях артист написал в «Автобиографии»: «Когда труппа начала выходить, Константин Михайлович Сергеев подошел ко мне и сказал с улыбкой:

– Рудик, ты с нами сейчас не поедешь. Ты присоединишься к нам в Лондоне через пару дней.

У меня упало сердце, а он продолжал:

– Мы только что получили телеграмму из Москвы о том, что ты должен танцевать завтра в Кремле. Сейчас мы оставляем тебя, а ты сядешь на “Ту”, который вылетает через два часа.

Я почувствовал, как кровь отхлынула от щек. Танцевать в Кремле? Правдоподобная байка! Я понял, что это последний ход в трехлетней кампании против меня. Я слишком ясно видел, как все это надвигалось. И прекрасно понимал свое положение, а также последствия этого срочного вызова в Москву: никаких поездок за границу впредь и навсегда отказ от положения первого танцовщика, которое мне предстояло получить через пару лет. Я буду обречен на полную неизвестность. И тут я почувствовал, что, скорее, убью себя. Сергееву я сказал, что пойду и попрощаюсь с коллегами».

А вот как запомнила происшедшее в тот день балерина Алла Осипенко: «С нами был сопровождающий. Звали его Виталий Дмитриевич. Он все подталкивал меня, приговаривая: “Иди, иди в самолет”. Рудик плелся где-то в хвосте.

Помню, увидела, как Нуреев показывает мне пальцы, скрещенные в виде решетки. Ничего не поняв, я спросила, в чем дело, и услышала:

– Я не лечу в Лондон.

Никогда не забуду тот момент, когда я смотрела в иллюминатор, а по полю бежал к трапу Рудольф. Я не могу передать, как это было тяжело. Трап отталкивают, и он плавно отъезжает от самолета вместе с Нуреевым».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.